

Махлак К. А.

**Духовный путь преподобного Сергия
в контексте иосифлянства и нестяжательства**

Задачей данного очерка является попытка дать нетрадиционную интерпретацию хорошо освещенной темы соотношения жизни и подвига преп. Сергия и знаменитого спора стяжателей и нестяжателей, самих личностей Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Достаточно распространено мнение, что подтверждается, конечно, самой исторической канвой, что и Нил, и Иосиф – ученики учеников преподобного Сергия, наследники возрождения монашеской жизни на Руси, во главе которого стоит преподобный Сергий. Неизбежно возникает вопрос, кто из них в большей степени исполнил заветы преподобного Сергия, а кто пренебрег главным или даже извратил его?

Эта дискуссия хорошо известна, впрочем, она является призмой обсуждения вопросов, далеко выходящих за хронологические рамки жизни Нила и Иосифа, где преподобные сами по себе стали уже архетипами двух направлений церковной жизни, прежде всего, в контексте отношения церкви и государства. Однако следует обратить внимание на маргинальность этой темы по отношению к вопросам духовной жизни, подвижничества, а также христологическим, триадологическим и другим ключевым темам христианского предания. В данном случае получается, что светская линия житийного повествования и его исторический контекст заслоняют ее богословский смысл. В конце концов, стяжательство/ нестяжательство остается вопросом христианской этики, значимым, прежде всего, в общественном и культурном плане. Здесь важной задачей является возвращение к внутреннему смыслу той развилки, которая, очевидно, воплощается для нас в образах трех преподобных.

Возможно, следует уточнить смысл устоявшихся архетипов (святой и его жизнь/житие – это икона) и найти новое соответствие между всем хорошо известными чертами. Сразу поясню, что «контекст», о котором идет речь в заглавии, я попытаюсь разъяснить контекстом византийским, сопоставляя преп. Сергия с преп. Симеоном Новым Богословом, а преподобных Нила и Иосифа со святителем Григорием Паламой. Предварительно формулируя место Сергия и Симеона в Предании, можно сказать, они оба выражают христианский идеал подвижничества,

находясь вне его магистральных линий. В духовном пути Симеона и Сергия много общего – прежде всего, можно отметить некоторую необычность их пути к монашеству: каждый как бы интуитивно знал, что ему нужно: Симеон искал учителя и, найдя, сохранял с ним связь наперекор порядкам Студийского монастыря и был из него изгнан. Сергей, получив дар разумения грамоты, как уже всему научившийся, избрал путь монашеского уединения без «руководства и авторитетного благословления» (явившийся Варфоломею черноризец оказался единственным его наставником). В дерзновении, своего рода индивидуализме кроткий Сергей и «строптивый» Симеон почти совпадают. Интересно, что труды преп. Сергия, в которых часто видят образец смирения, это всегда инициатива самого Сергия, и если он и послушен, то прежде всего своей воле, своему призванию, как он его понимал.

Несмотря на то, что от Сергия не дошло ни одного слова, а Симеон был плодовитым писателем, их духовный опыт в значительной степени сходен. И тот, и другой – мистики и визионеры. Если уточнять достаточно неопределенное понятие «мистический», его нужно связать с темой личного духовного опыта. На византийском материале – это линия, идущая от Дионисия и преп. Максима Исповедника. Для Дионисия, кем бы он в действительности ни был, его учитель божественный Иерофей – мистик, созерцатель, истинность опыта которого не требует никакого общецерковного признания, то же можно сказать о неназванном Старце из Мистагогии преп. Максима¹. Для Симеона его наставник Симеон Благоговейный – обладатель истинного богопознания, не требующего подтверждений². Мистическое видение само по себе, достаточно критически оцениваемое в аскетическом богословии, трансформируется в богословское умозрение и у Симеона, и у Сергия. Конечно, для «некнижного» Сергия степень свободы и детализация богословского логоса не сопоставима с тем, что мы встречаем у Симеона, но направление и стиль все-таки сходны.

У обоих преподобных их мистический опыт связан с богословием Троицы. Для них он не носит интеллектуального происхождения, т.е. не является пересказом нормативной триадологии. Его, конечно, нельзя назвать и чувственным проживанием, мистическое видение сохраняет характер личной встречи, участником которой могут быть и другие люди – например, служащий преподобному Сергию ангел был видим братии. Это важный мотив, поскольку имя преп. Сергия

¹ *Максим Исповедник, преп. Мистагогия* // Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. 1. М., 1993. С. 155.

² *Жизнь и подвижничество иже во святых отца нашего Симеона Нового Богослова, пресвитера и игумена монастыря святого Маманта Ксирокерка* // Преп. Симеон Новый Богослов. Преп. Никита Стифат Аскетические сочинения в новых переводах / Пер. с греч. Л. А. Фрейберг. СПб., 2007. С. 100.

связано с возрождением монашеской жизни. Наличие учеников, «множество очень красивых птиц» знаменитого видения, говорит о том, что опыт доступен всем, «кто захочет по твоим стопам идти», и личностное в подобном опыте не сводимо ни к интеллектуальному опыту, к которому апеллируют и догмат, и уставная аскетика, ни к индивидуальному визионерству, закрытому для других.

Опыт видения света также сближает Симеона и Сергия. В обоих случаях это нестерпимо яркий свет, в среде которого оказывается святой, который в «иступлении ума» теряет представление о месте и времени. В обоих случаях обращает на себя внимание отсутствие догматической обработки видения света, если в случае преп. Сергия это легко объяснить отсутствием как у самого преподобного, так и у Елифания тех интеллектуальных ресурсов, которые были у византийцев, то в случае Симеона это остается непонятным. То, что Свет есть Бог, для него совершенно очевидно³, но делать из этого выводы в стиле св. Григория Паламы он не спешит. Как тело становится «нетелесным», сохраняя свои качества, как свет проникает в тело, делая его «огнем и светом», для Симеона, вероятно, не так важно это сформулировать, как важно сохранять единство с Богом и пребывать в Нем.

Своего рода «богословский экзистенциализм» Симеона переключается с «простотой» Сергия. Видение света и посещение Богородицы (Сергий выходит встречать Ее в сени), ответ Бога на молитву об учениках и о дальнейшей судьбе обителя, другими словами, речь идет об ответе на вполне обыденное моление.

Далее перейдем к преподобным Нилу и Иосифу. Я не буду исчерпывающим образом детализировать картину их богословских позиций, но если обобщать их опыт на фоне преп. Сергия, мы видим, что

³ «Однажды, когда он стоял, вознося чистую молитву и беседуя с Богом, внезапно увидел он умом, как начал сверкать воздух, и, хотя он находился в келье, ему казалось, что он вне ее; а была ночь, время около первой стражи. Вверху же, казалось, занимается утренняя заря. ... Дом и все остальное исчезло, и он подумал, что вообще не пребывает в доме. Когда же он совсем иступил из себя, всем умом своим постигая этот явленный свет, который понемногу увеличивался и наполнял сиянием воздух, он стал ощущать, что вместе со всем телом отторгнут от земного. ... Потрясающее видение отдалило его от предшествующего созерцания и направило на постижение только того, что дивно в нем совершалось. И он увидел, что свет постепенно охватил все тело его, сердце и внутренности, сделав его самого всецело огнем и светом. Как прежде забыл он о доме, так и теперь свет заставил его забыть форму и положение, плотскую природу и внешний вид тела, и он перестал плакать. А из света дошел до него голос: "Так надлежит измениться живым и оставшимся святым, при последнем звуке трубы, и, став таковыми, будут они восхищены", как говорит и Павел (1 Фес. 4:16-17)». (Жизнь и подвижничество иже во святых отца нашего Симеона Нового Богослова. С. 146-147).

и тот, и другой – люди традиции. За Нилом, например, со всей очевидностью стоит традиция Кирилла Белозерского и афонский исихазм. Автор «Скитского устава» на страницах своего знаменитого произведения выступает систематизатором отцов аскетического богословия, свободно ориентируясь в их писаниях. Богословие Нила, если сравнивать его с глухими намеками на богословие преп. Сергия в его житии, детальней и разнообразней. «Простота» преп. Нила – уже не столько дерзновение, сколько обоснованная позиция. Нестяжательство Нила и его учеников, идущее от «худых риз» преп. Сергия, становится богословской программой, претендующей на общецерковную значимость. Отчасти, позднейшее столкновение ученика Нила Вассиана Патрикеева с Иосифом Волоцким вызвано универсализмом аскетического видения Нила.

Еще больший универсализм демонстрировал Иосиф Волоцкий, видевший необходимость не только в регламентации устава, но и в его общественном утверждении. Иосифа Волоцкого в этом плане можно сравнить с Григорием Паламой. Святитель Григорий поддержал И. Кантакузина, и после победы последнего смог утвердить богословие исихастов, опираясь на его поддержку.

Антагонизм иосифлян и нестяжателей, продолжая подобное сравнение, можно истолковать как неполный аналог конфликта монашеской партии, возглавляемой Паламой и поддержанной Кантакузиным, и гуманистов, с той разницей, что гуманизм в нашем случае тоже монашеский.

Подводя итог, можно сказать, что золотой век русского монашества, связанный с преп. Сергием, и его продолжение, вылившееся в знаменитый спор, вполне соответствует архетипической канве развития богословской мысли от Симеона до св. Григория, с аналогичными элементами: 1) личное мистическое призвание, 2) его богословское утверждение – интерпретация, и, наконец, 3) кризис, имеющий вид (как в нашем, так и в византийском случае) утверждения позиции одной из партий.

Источники и литература:

1. *Максим Исповедник, преп.* Мистагогия // Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. 1. М., 1993.
2. Жизнь и подвижничество иже во святых отца нашего Симеона Нового Богослова, пресвитера и игумена монастыря святого Маманта Ксирокерка // Преп. Симеон Новый Богослов. Преп. Никита Стифат Аскетические сочинения в новых переводах / Пер. с греч. Л. А. Фрейберг. СПб., 2007.